

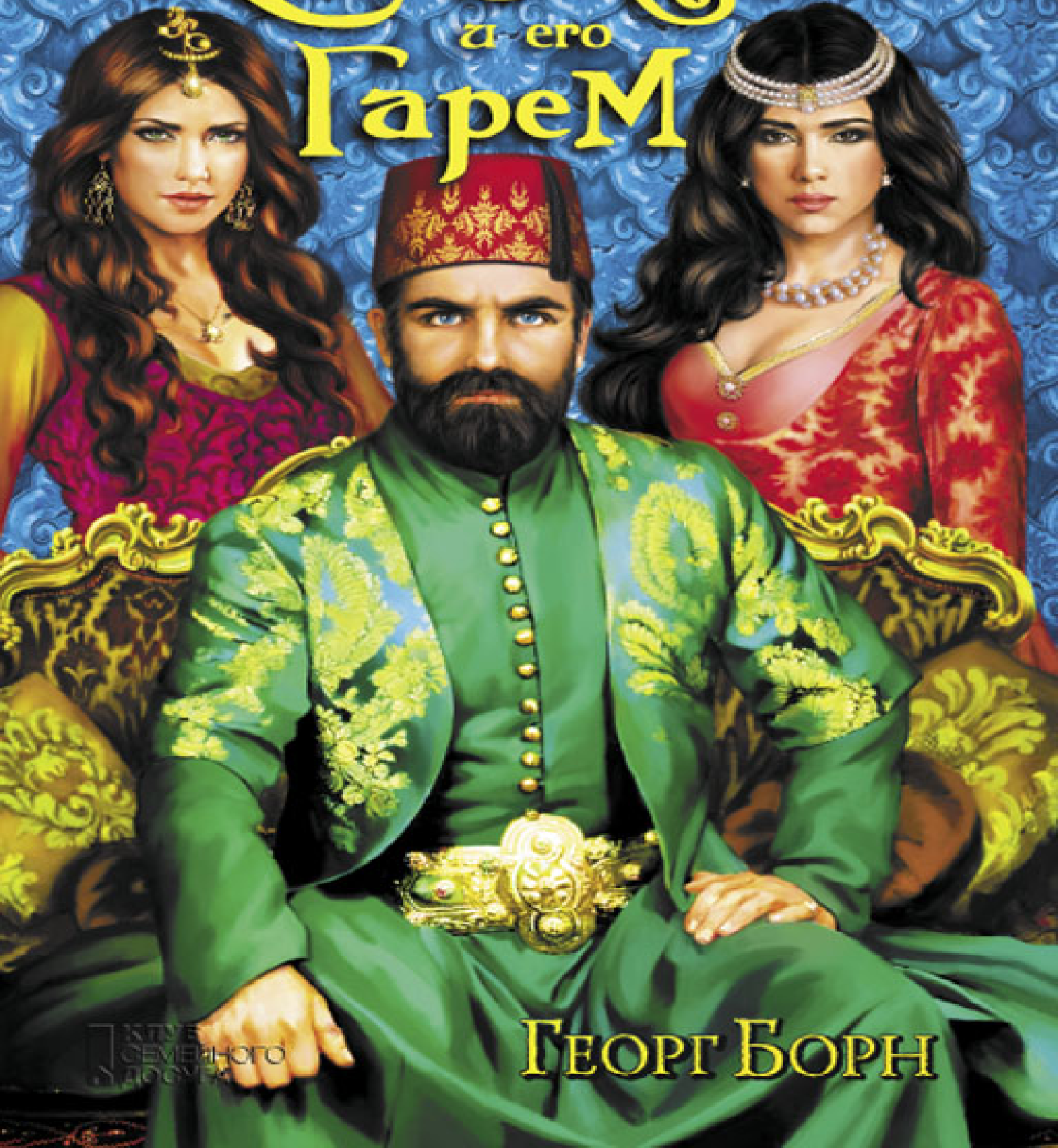
Султан и его гарем

XIX век. Турецкий султан наслаждается жизнью в объятиях страстных наложниц, не подозревая, что за его спиной идет борьба за власть между исламскими шейхами и валиде.

Прекрасная Реция по воле судьбы становится игрушкой в руках сильных мира сего. Ее возлюбленный, красивый и смелый Сади, обещал Реции вечную любовь. Но на пути к счастью их ждут предательства, опасные тайны, измены и неожиданные встречи. Сади становится фаворитом коварной племянницы султана, которая готова на все, чтобы завоевать сердце юноши и погубить Рецию.

Жестокая закулисная борьба, хитроумные гаремные интриги, порочные страсти, пламенная любовь...

Султан и его Гарем

ГЕОРГ БОРН

ТРИ
СЕМЬНОГО
СЛОВИ

Георг Борн

Султан и его гарем

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2014

© Парфенова А., составление, 2014

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2014

ISBN 978-966-14-6669-1 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

XIX століття. Занепад Великої Османської імперії... Юна Реція і благородний Саді покохали одне одного з першого погляду. Але на шляху до щастя на них чекає чимало перепон... У Саді закохана принцеса Рошана, і вона ладна на все задля того, щоб добитися взаємності й занапастити суперницю. Спокушений можливістю блискучої кар'єри, Саді стає фаворитом принцеси... Чи збережуть Реція і Саді своє кохання?

Борн Г.

В82 Султан и его гарем : роман / Георг Борн ; пер. с нем. А. Павловой-Пернетти ; сост. А. Парфеновой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2014. — 896 с.

ISBN 978-966-14-6773-5 (Украина)

ISBN 978-5-9910-2820-2 (Россия)

XIX век. Закат Великой Османской империи... Юная Реция и благородный Сади полюбили друг друга с первого взгляда. Но на пути к счастью их ждет немало преград... В Сади влюблена принцесса Рошана, и она готова на все, чтобы добиться взаимности и погубить соперницу. Соблазненный возможностью блестящей карьеры, Сади становится фаворитом принцессы... Сумеют ли Реция и Сади сохранить свою любовь?

УДК 821.112.2

ББК 84.4Г

Составление *А. Парфеновой*

Печатается по изданию:

Борн Г. Султан и его гарем. Роман настоящего времени / Георг Борн. — СПб. : Типография В. С. Балашева, 1904

Перевод с немецкого *Аделаиды Павловой-Пернетти*

В оформлении обложки использована иллюстрация *Наталии Струковой*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

ЗОЛОТАЯ МАСКА

В столице Турции — Константинополе и над окружавшими ее водами царствовал удушливый жар, какой обыкновенно бывает в это время года на всем Востоке.

В полдень всякие занятия прекратились, и на улицах не видно было ни души, кроме бесчисленного множества голодных собак.

С наступлением вечера движение в городе оживилось, но жар не уменьшился. В воздухе не шелхнулось, а небо начало мало-помалу покрываться темными тучами.

К берегу Босфора в это время подъезжал на легкой лодке молодой лодочник, которых в Турции зовут каикджи. Это был высокого роста юноша, лет двадцати; его мускулистые руки легко управляли веслами, на голове была надета красная феска. Черты его красивого лица, загорелого от солнца, выражали добродушие, благородство и ум.

— Почему ты едешь сюда из Скутари, Сади? — спросил грек-лодочник, сидевший у самого берега в ожидании пассажиров.

— Я отвозил одного франка в Долма-Бахче, — отвечал молодой турок.

— К ночи будет буря, и она разразится раньше, чем ты успеешь вернуться назад, — заметил грек.

— Да будет воля Аллаха! — прошептал молодой лодочник Сади и оттолкнул лодку от берега.

Раньше, чем предсказывал грек, поднялся сильный ветер, и море покрылось волнами.

В несколько мгновений небо покрылось густыми тучами, так что стемнело почти как ночью.

Нимало не испугавшись, Сади продолжал грести, хотя волны грозили, того и гляди, затопить его маленькую лодку.

Вдруг Сади услышал громкий испуганный крик:

— Помогите! — пронеслось по воде.

Сади оглянулся кругом и на некотором расстоянии заметил большую лодку с павильоном из шелковой материи.

Три или четыре гребца махали руками и кричали. У самого павильона стоял слуга и махал шелковым платком. Сади разобрал слова: «Помогите! Лодка течет! Сюда!» Затем ему послышалось слово «принцесса».

Конечно, лодочник понял, что эта роскошная лодка должна была принадлежать какому-нибудь знатному турку, но прежде всего юноша подумал о том, что в ней кто-то подвергается опасности, а он в любом случае поспешил бы на помощь, даже если бы подвергался опасности какой-нибудь бедняк.

Собрав все силы, Сади направился к лодке, которая, казалось, уже начала наполняться водой.

В это время из павильона появилась фигура знатной турчанки. Лицо ее было закрыто тонким белым покрывалом, так что его нельзя было разглядеть, тогда как она, напротив, могла отлично все видеть. Широкое верхнее платье скрывало формы ее тела от глаз любопытных. По ее жестам видно было, что опасность велика.

— Сюда, каикджи! — закричал слуга, по выговору грек. — Ее светлость принцесса в опасности, лодка течет! Пошли как можно скорее с берега или из города лодку.

— Теперь уже поздно! — раздался из-под покрывала голос принцессы. — Вода заливает павильон! Лодочник должен отвезти меня в своей лодке в Скутари! Положи в лодку ковер!

Сади не успел взглянуть на принцессу — нечто другое возбудило его внимание и даже ужас! Слуга-грек, к которому относились последние слова принцессы, взглянул на него таким взглядом, что у него сердце похолодело. Никогда в жизни Сади не встречал человека, взгляд которого вызывал бы такой ужас.

Но грек в ту же минуту повернулся исполнять приказание своей гордой повелительницы, а Сади невольно схватился за святой талисман из Мекки, висевший у него на груди.

Казалось, что принцесса с удовольствием глядела на молодого лодочника из-под покрывала.

Сильный ветер мешал Сади с трудом держать свою лодку рядом с большой лодкой принцессы.

В это время грек положил ковер на скамейку лодки, а принцесса спешно оставила свою, быстро наполнявшуюся водой, и пересела в лодку Сади, который невольно еще раз обернулся на грека-слугу, но последний в это время наклонился и не глядел на Сади.

— Вези меня в Скутари, — приказала принцесса, усевшись на ковер, — но будь осторожен, каикджи. Если ты довезешь меня благополучно до берега, то я щедро награжу тебя; если же я подвергнусь из-за тебя опасности, то твоей голове не удержаться на плечах.

— Не бойся, принцесса Рошана, — отвечал спокойно Сади, знавший имя принцессы. — Я доставлю невредимой тебя на берег.

Грек остался в большой лодке, чтобы отвести ее в безопасное место, да и в маленькую лодку Сади нельзя было никого более посадить, не подвергнув всех опасности потонуть.

Сади бесстрашно начал свою борьбу со стихиями. Гром уже гремел, и молния прорезывала тучи. Волны поднимались все выше и выше, и маленькая лодка Сади казалась их игрушкой.

Принцесса безбоязненно доверилась Сади. Она спокойно сидела на ковре и следила за каждым движением весел лодочника, красивое лицо которого сделалось еще привлекательнее в этой борьбе со стихиями, которыми он, казалось, пренебрегал. Принцесса с возрастающим изумлением глядела на Сади, бесстрашно, твердой рукой управляющего своей лодкой.

— Я не могу въехать в канал, который ведет к твоему дворцу, принцесса, — сказал Сади, когда лодка начала приближаться к берегу, — прикажи, где ты хочешь выйти?

— Там, где останавливаются пароходы из Смирны, можешь ли ты причалить туда?

— Я исполню твое приказание.

— Как тебя зовут?

— Сади, сын Рамана.

— Кто был твой отец? — продолжала спрашивать принцесса.

— Он был муэдзином[1] в минарете султанши Валиде! Он умер пять лет тому назад, и я сделался перевозчиком.

— Ты не годишься быть перевозчиком, Сади, хотя и умеешь отлично управлять лодкой. Тот, кто способен хладнокровно глядеть в лицо такой буре, может вынести всякую борьбу. Приходи ко мне во дворец, Сади, я хочу наградить тебя за то, что ты спас меня от опасности.

— Я сделал это не ради награды, принцесса! Заплати мне обыкновенную плату за проезд, но не более! — отвечал Сади.

— Хорошо, но приходи за этой платой ко мне во дворец.

В это время лодка подъехала к пароходной пристани, у которой всегда стояли наемные экипажи.

Начал накрапывать дождь, и гром гремел все громче и громче.

Твердой рукой Сади повернул свою лодку к берегу.

В то время как они подъезжали, на берегу происходила какая-то свалка.

— Что там такое? — спросила принцесса перевозчика, приготовлявшего ей трап.

— Это правоверные и арабы дерутся с франками, в дело пошли уже ножи и кинжалы, так что кавасы[2] ничего не могут сделать.

— Долой проклятых собак-христиан! Смерть им! — кричали несколько турецких матросов, и обе стороны были в страшной ярости.

Вдруг Сади прижал руки к груди и начал шептать какое-то изречение из Корана.

— Что с тобой? — спросила принцесса, собравшаяся в это время подняться по ступеням на пристань.

— Посмотри туда, принцесса! Золотая Маска!

Говоря это, Сади указал на появившуюся недалеко от них фигуру. Бледное лицо незнакомца было до половины закрыто и с одной стороны казалось залитым кровью. Часть лба и голова были покрыты зеленым арабским платком, концы которого падали по обе стороны головы. Верхняя часть лица была закрыта золотой перевязкой.

Принцесса на мгновение остановилась.

— Да... это она... это Золотая Маска! — прошептала она наконец.

Между тем незнакомец прямо пошел к сражающимся и вошел в середину, но казалось, что ножи и кинжалы отскакивали от него.

Матросы, арабы и франки — все, как бы движимые ужасом, расступились и отхлынули назад.

Незнакомец между тем не проронил ни слова, молча прошел он через отступающие ряды, точно его появления было достаточно, чтобы прекратить кровопролитную битву.

— Приведи мне карету! — приказала принцесса.

Сади сделал знак кучеру одной из карет, который сейчас же подъехал.

— Видишь ли ты эту фигуру? — спросила принцесса кучера.

— Это Золотая Маска, — отвечал дрожащим голосом кучер, испуганно оглядываясь вокруг.

— Поезжай за ним, я заплачу за это тысячу пиастров!

— Если бы ты обещала мне в десять раз больше, то и тогда я не согласился бы, — отвечал кучер.

— Я приказываю тебе! Я принцесса Рошана.

— Приказывай, что хочешь, но не это, светлейшая принцесса: следовать за Золотой Маской — значит приносить себе несчастье. Да к тому же это было бы бесполезно. Посмотри, она уже исчезла!

Сади оглянулся кругом. Кучер был прав — Золотой Маски нигде не было видно.

Принцесса с досадой села в карету, простившись с Сади милостивым движением руки.

II

РЕЦИЯ, КРАСАВИЦА ТУРЧАНКА

Гроза, сопровождавшая появление Золотой Маски, так же скоро окончилась, как и началась.

Зайдя в кофейню узнать о результатах схватки, Сади возвращался назад к своей лодке.

Дело завязалось из-за двух венгерских девушек, которых один старый турок хотел отвести в предместье Галату, чтобы продать в гарем знатного турка. Обе девушки начали звать на помощь, тогда завязалась борьба, во время которой при появлении Золотой Маски девушкам удалось бежать и найти помощь у ближайшего консула. Турок, в гарем которого вели девушек, был Гамид-кади, один из высших государственных сановников, как говорили в кофейне.

Прежде чем идти домой, Сади зашел посмотреть еще раз, хорошо ли привязан его каик, и нашел в нем дорогой ковер принцессы, который грек-слуга положил в лодку.

— Теперь поздно, — прошептал Сади, складывая ковер, — но завтра утром я должен отнести его принцессе, а то она может подумать, что я хочу присвоить ковер себе!

Положив его обратно в лодку, Сади отправился домой. Скоро он вошел в узкую грязную улицу со старыми деревянными полуразвалившимися домами. Узкие и мрачные улицы Скутари, где живут только турки и евреи, производят на иностранца крайне неприятное впечатление, и только изредка глаз отдыхает на роскошной мечети или зеленых группах деревьев, время от времени попадающихся между домами.

Ночь уже наступила, когда Сади вошел в улицу Капу. Все уже стихло, и было почти совсем темно, так как только изредка горели тусклые фонари. Там и сям встречал Сади возвращавшихся из кофеен турок, затем улица снова пустела.

Вдруг, переходя через небольшую площадь перед мечетью, Сади послышался слабый крик, как будто стон умирающего. Он остановился, но как ни вглядывался в темноту, ничего не мог различить.

— Красавица Реция! — раздался недалеко от Сади тихий шепот. — Наконец-то я нашел тебя!

В ответ на эти слова снова раздался слабый крик испуга.

Сади стал присматриваться внимательнее и понял, что тут, под покровом ночи, совершалось нечто ужасное. Но что же такое? Где была та, которая называлась Рецией? Где был человек, говоривший с ней?

Тогда Сади взглянул по направлению ко входу в мечеть, около которой росло несколько высоких деревьев и висел фонарь. В тени одного из деревьев Сади заметил фигуру девушки-турчанки, которая стояла, дрожа всем телом, не будучи в состоянии ни бежать, ни даже позвать на помощь. Ей угрожал кто-то, кого Сади не мог рассмотреть, а только слышал голос.

Голова ее была покрыта белым покрывалом, но оно спустилось с лица, выражавшего испуг, и Сади был поражен красотой девушки. Большие глаза с длинными черными ресницами выражали ужас голубки под притягивающим взглядом змеи. Черные роскошные волосы падали волнами из-под вуали. Маленький полуоткрытый ротик с ярко-красными губами скрывал за собой два ряда перлов.

В ту минуту, как Сади, еще ошеломленный красотой девушки, напрасно старался понять, в чем дело, к турчанке быстро подошел мужчина, до сих пор скрывавшийся в тени деревьев.

Но почему же девушка ждала, пока этот человек, очевидно, ее враг, подойдет к ней, а не старалась спастись бегством? Почему не зовет она на помощь?

Но Сади уже нашел объяснение этой загадке! Человек, приближавшийся к красавице, был грек-слуга принцессы Рошаны, взгляд которого, упав случайно на Сади, наполнил ужасом его сердце.

Да, Сади не ошибался! Это был действительно грек, и взгляд его обладал притягивающей властью змеи.

Молодая девушка, встретившаяся с греком в этом уединенном месте, попала бы, не сопротивляясь, в его руки, если бы Сади случайно не проходил мимо.

С громким угрожающим криком поспешил Сади к мечети.

— Что тебе надо от девушки, грек?! — вскричал он, решительно подходя к дрожащей жертве.

Грек злобно оглянулся на неожиданного защитника.

Турчанка упала на колени и с умоляющим видом протянула руки, как бы прося Сади о помощи и защите.

— Ради Аллаха, — прошептала она, — заступись за меня!

Как змея, испугавшись опасности, оставляет свою жертву, точно так же и грек, увидя Сади и, может быть, боясь, что он позовет кавасов, поспешно оставил девушку.

— Ты все-таки не уйдешь от меня! — прошептал он, уходя. — Ты должна быть и будешь моей...

Затем он неслышно скрылся за деревьями.

Сади подошел к дрожащей девушке, которая глядела на него глазами, полными слез.

— Кто ты, говори, чтобы я мог отвести тебя к твоему отцу, — сказал Сади ласковым голосом, протягивая девушке руку.

— У меня нет ни отца, ни матери, ни брата, — отвечала девушка печально.

— Значит, ты сирота? Как тебя зовут и где ты живешь?

— Меня зовут Реция, я была единственной дочерью мудрого Альманзора! Защити меня от грека! Он угрожает мне, и я думаю, что он же — виновник смерти моего дорогого брата Абдаллаха, Однажды утром его нашли мертвым на базаре, убийца притащил его туда, чтобы скрыть следы. Мой несчастный отец поспешил на базар и без памяти упал на труп своего единственного сына!

— Разве у твоего брата были враги, что он пал жертвою убийцы?

— Грек часто ходил около нашего дома, и, вероятно, брат завязал с ним ссору! Когда мы похоронили моего брата, нас снова постигло несчастье. Мой отец Альманзор должен был отправиться в путешествие, мне ни за что не хотелось отпускать его, потому что я боялась остаться одна в старом мрачном доме! Однако отец все-таки уехал за море и больше не возвращался. Одни говорили, что он утонул, другие — что на него напали разбойники и убили.

— Бедная Реция! Сади, сын Рамана, принимает большое участие в твоём горе, — сказал молодой человек, взволнованный горем красавицы.

— Тогда я осталась одна, и грек начал преследовать меня, не давая мне покоя даже в моем собственном доме. Я позвала на помощь соседей, но один старый еврей сказал, что он знает грека, он — доверенный слуга могущественной принцессы Рошаны, и поэтому было бы опасно ссориться с ним. Тогда я заперлась и не выходила никуда, но Лаццаро, так зовут грека, нашел и тут дорогу — перелез через высокую каменную стену, окружавшую дом. Я убежала в другой дом моего отца! Но сегодня вечером я пошла помолиться в мечеть и, выходя из нее, встретила опять моего преследователя. Его взгляд испугал и приковал меня так, что я была не в состоянии сопротивляться.

— Не бойся ничего, я с тобой, бедняжка!

— Этот грек — мой злой дух! Я боюсь его и не могу никуда скрыться от него.

— Я провожу тебя до твоего дома. Твоего брата убили, твой отец погиб, у тебя нет никого из близких — возьми меня в свои защитники!

— У тебя благородное, сострадательное сердце! Я вижу, что ты желаешь мне добра! Благодарю тебя за твое заступничество, но прошу тебя, оставь меня одну! Ты освободил меня из плена ужасного Лаццаро, но теперь dokonчи твое благородное дело — не следуй за мной, чтобы соседи не могли осудить меня.

Только в эту минуту девушка вспомнила, что ее лицо открыто, и поспешно закрылась покрывалом.

— Я никогда не забуду лица, которое Аллах позволил мне увидеть сегодня, оно навсегда запечатлелось в моем сердце! — сказал молодой человек, протягивая руку девушке, все еще стоявшей на коленях, чтобы поднять ее. — Я исполню твою просьбу и оставлю тебя, но одного ты не можешь мне запретить, это — любить тебя!

— Иди, прошу тебя, иди, — дрожащим голосом прошептала девушка, затем она быстро исчезла за деревьями.

Сади молча глядел ей вслед.

Он вдруг совершенно преобразился, он чувствовал, что любит и что Реция, сирота, дочь Альманзора, во что бы то ни стало должна принадлежать ему.

III

В РАЗВАЛИНАХ У ДЕРВИШЕЙ

Поздно вечером в этот же день по улице Капу в Скутари шел человек, направляясь к находящимся на конце улицы старым деревянным воротам.

Человек был одет в темный кафтан, и на голове его был повязан по-арабски зеленый платок, концы которого падали по обе стороны головы.

Когда он подошел к фонарю, висевшему у ворот, то стало видно, что верхняя часть его лица была закрыта блестящей золотой повязкой. Никто не заметил, как он вышел из ворот. За воротами шла широкая дорога, обсаженная каштановыми и апельсиновыми деревьями, она вела в любимый летний дворец султана. Незнакомец держался в тени деревьев. Ночь уже наступила, и луна начала показываться на горизонте.

Когда дорога стала подниматься в гору, таинственный незнакомец оглянулся кругом и свернул на маленькую проселочную тропу, шедшую в сторону.

Эта тропа вела сначала вверх, потом спускалась в долину, в которой виднелся какой-то хаос стен, полуразрушенных башен и столбов, среди которых поднимались вершины деревьев. Старые развалины, освещенные луной, представляли странное и таинственное зрелище.

К этим-то развалинам направился незнакомец в золотой маске. Он пошел к той части их, которая густо заросла кустарником.

Чем ближе он подходил, тем яснее доносился до него шум голосов. Казалось, этот шум был ему хорошо знаком, потому что он не обращал на него никакого внимания.

Это молились дервиши.

Человек в золотой маске незаметно подошел к развалинам, скрываясь в тени деревьев. У самой земли, полускрытое кустами, было

устроено низкое отверстие. Незнакомец наклонился и исчез в развалинах.

Недалеко от этого места, на поросшем мхом обломке камня, сидел с длинной седой бородой старый дервиш, турецкий монах. На шее у него висел целый ряд амулетов, с его губ машинально сходили слова: «Велик Аллах, и Магомет — его пророк».

В это время по дороге из Константинополя показалась карета и стала также приближаться к развалинам.

Старый дервиш встал и низко поклонился, сложив руки на груди, когда из кареты вышел знатный турок в красной феске на голове. На груди у него висело множество орденов. Он прошел мимо дервиша и вошел в широкие ворота в стене во внутренность развалин.

Почти около самого входа расположились в кружок около тридцати дервишей. В середине находился шейх, настоятель этого монастыря, бывший в такт ногою, тогда как сидевшие вокруг громко вскрикивали, наклоняясь то вперед, то назад, то направо, то налево, затем снова вскакивали. Они не видели и не слышали ничего, происходившего вокруг них, до такой степени были погружены в свое занятие.

Знатный турок прошел мимо них и вошел в другое помещение, отделявшееся от первого полуразрушенной стеной, потолком же тут, как и в первом, служило звездное небо.

В этом отделении дервиши бичевали друг друга по спине, рукам и ногам так сильно, что кровь лилась с них ручьями. Тем не менее они были в таком экстазе, что не чувствовали ни малейшей боли.

Освещенные неверным лунным светом, эти полунагие, беснующиеся и покрытые кровью люди представляли такое страшное зрелище, что всякий посторонний человек, неожиданно попавший в этот турецкий монастырь, подумал бы, что он попал в ад.

Что касается приехавшего знатного турка, то он, казалось, был уже знаком с этими процедурами, потому что, не обращая на них никакого внимания, прошел через большой двор к старой башне, еще довольно хорошо сохранившейся. Перед входом в эту башню сидел молодой дервиш.

— Мансур-эфенди здесь? — обратился приезжий к дервишу.

— Направь свои шаги в комнату совета, мудрый и великий Мустафа-паша, ты найдешь там Баба-Мансура, которого ты ищешь, в обществе Гамида-кади.

— Была здесь сегодня вечером принцесса Рошана?

— С того времени, как я здесь сижу, принцесса еще не появлялась,
— отвечал молодой дервиш.

Мустафа-паша вошел во внутренность башни. Широкие сени, в которые он вступил, были слабо освещены висящей лампой. Из этой передней железная дверь вела в комнаты.

Мустафа-паша, визирь[3], вошел в эту дверь.

Она открылась перед ним, как бы по какому-то таинственному знаку, и визирь вошел в большую круглую комнату, около стен которой стояли низкие широкие диваны. Пол был покрыт коврами. Комнату освещали две висящие с потолка лампы.

Напротив дверей сидели на диване два турка, одетые в чалмы, широкие шаровары, подпоясанные богатым поясом, короткие куртки и туфли с остроконечными носками. Это был типично турецкий костюм. Что касается вошедшего, то он был одет в европейское платье: черный, доверху застегнутый сюртук и черные панталоны.

Одна только красная феска указывала на его турецкое происхождение.

Один из сидевших был уже стар, что доказывала его длинная седая борода. Это был Гамид-кади, верховный судья в Константинополе.

Товарищ Гамида был моложе его. У него была черная, довольно короткая борода, худое, с резкими чертами лицо и подвижные черные глаза. Это был Мансур-эфенди, называемый дервишами также Баба-Мансур, глава магометанского населения, в Турции, первое духовное лицо, носящее титул Шейх-уль-Ислама, самое близкое лицо к султану.

Мустафа-паша подошел к сидящим, поклонился и сел рядом с ними.

По знаку Мансура дервиш, стоявший у входной двери, вышел из комнаты совета.

— Да благословит Аллах, — заговорил Мустафа-паша, — я очень рад, что встречаю вас обоих вместе. Я привез вам одно очень важное известие.

— Мы очень рады видеть верного последователя великого пророка,
— отвечал Баба-Мансур Шейх-уль-Ислам. — В чем же состоит твое известие?

— Я привез очень важное известие, — начал визирь. — Помните ли вы одного мудрого толкователя Корана, по имени Альманзор, и его

сына Абдаллаха? Один странный случай указал мне их существование. Я ехал домой из дворца султана, где был совет министров, как вдруг из норы в стене выползла маленькая змея и поползла как раз поперек моей дороги. Стоявший недалеко часовой хотел убить ее саблей, но я удержал его. Тогда змея поспешно бросилась на гревшуюся на солнце ящерицу и в одно мгновение утащила ее к себе в нору. Этот случай заставил меня задуматься. Я придаю большое значение снам и различным приметам, и чтобы объяснить себе этот случай, я отправился в Галату к одной известной толковательнице снов и гадалке, цыганке Кадидже, чтобы расспросить ее о случившемся со мною.

— И что же сказала цыганка? — спросил Шейх-уль-Ислам с легким выражением насмешки на лице, которую он напрасно старался скрыть.

— Не смейся над знаменитой гадалкой, мой образованный брат Мансур, — продолжал Мустафа-паша, — выслушай сначала, что она мне сказала, не зная меня, так как я скрыл, кто я. «В Скутари живет один старый толкователь Корана, происходящий из великого дома Аббасидов, — сказала она. — Бойся и его потомков! Через них будет поколеблен трон! Змея бросится на блестящую ящерицу — убей змею, прежде чем она достигнет цели».

— Так говорила цыганка?!

— Слушай дальше! Я позаботился сейчас же справиться, существует ли в Скутари такой толкователь Корана, и оказалось, что там действительно есть такой, что он называется Альманзором и происходит из дома калифов Аббасидов!

Шейх-уль-Ислам и его товарищ Гамид-кади молчали.

— Но важнее всего мне показалось то обстоятельство, что у этого старого Альманзора скрывался некогда принц Саладин, и старик, может быть, и теперь знает, где скрывается этот принц, — прибавил шепотом визирь. — Это обстоятельство придало в моих глазах словам Кадиджи еще большую важность.

— Ты помнишь, что сказала тебе старуха-цыганка? — обратился к Мустафе Гамид-кади. — Она сказала: «Убей змею, прежде чем она достигнет цели!»

— Да, она это сказала!

— Змея уже уничтожена, брат мой, — вмешался Мансур-эфенди.

— Альманзор умер? — спросил Мустафа.

Мансур и Гамид молча кивнули головой в знак согласия.

— У него был сын Абдаллах!

— Его ты также не найдешь, — сказал Гамид-кади.

— Позвольте мне удивляться вашей мудрости и знанию, братья мои! — вскричал визирь, едва скрывая свое изумление. — Вы уже знаете то, что я хотел вам сообщить как важную новость.

— Несмотря на это, мы благодарим тебя от имени нашего общего святого дела за твое известие, — отвечал Шейх-уль-Ислам. — Всякая опасность теперь устранена, и тайна принца Саладина узнана. Альманзор, без сомнения, знал настоящее местопребывание принца, но он не изменил ему до своей смерти.

— Эту тайну хотят сохранить, — сказал Гамид, — и я думаю, что твой сотоварищ Рашид-паша не совсем чужд этому делу.

— Я приехал с тем, чтобы пожаловаться на него, — отвечал Мустафа. — Я потерял к нему всякое доверие. Он не только наш враг, но и враг нашего общего дела! Рашид-паша хочет ограничить права правоверных, он хочет стать нам поперек дороги.

— В таком случае он умрет, как враг нашего великого пророка! — сказал Шейх-уль-Ислам тоном человека, могущество которого безгранично.

— Он погибнет, — прибавил Гамид-кади, слегка наклоняя голову.

В эту минуту в комнату вошел стороживший у дверей дервиш. Он сложил руки на груди, наклонил голову и произнес:

— Ее светлость принцесса Рошана подъезжает!

При этом известии Мустафа-паша поднялся со своего места.

— Мое дело окончено, — сказал он остающимся, — да защитит вас Аллах!

— Да благословит тебя Аллах! — отвечали в один голос оба остающиеся.

Затем Мустафа-паша оставил комнату совета.

Несколько мгновений спустя молодой дервиш снова отворил дверь, и на пороге появилась принцесса Рошана, закрытая белым покрывалом. Дервиш закрыл за ней дверь и удалился, принеся предварительно бархатную подушку для принцессы.

Принцесса села. Баба-Мансур и Гамид-кади низко поклонились ей.

— Нашему общему делу угрожает новая опасность, — начала принцесса Рошана. — Я поспешила сюда для того, чтобы передать вам важное известие, Шейх-уль-Ислам! Я должна сказать тебе, что твой опаснейший враг снова появился в Стамбуле.

Мансур-эфенди почти сохранил равнодушие и спокойное выражение лица, только блеск черных глаз выдавал его беспокойство.

— Про кого ты говоришь, светлейшая принцесса? — спросил он. — Кто снова появился в Стамбуле?

— Я видела вчера вечером в Скутари Золотую Маску! — отвечала принцесса.

— Я подозревал это, когда ты сказала об опаснейшем нашем враге, принцесса. Наши враги точно гидра: едва мы успеваем отсечь одну голову, как на месте ее вырастает сотня новых, — продолжал Мансур-эфенди мрачным тоном. — Но мы узнаем тайну этой Золотой Маски, которая вредит нашим планам. Мы должны и сорвем, наконец, покрывало, за которым прячется наш враг.

Шейх-уль-Ислам потянул зеленый шелковый шнурок, висевший недалеко от него.

В ту же минуту в комнату вошел дервиш.

— Принесите бумагу и перо! — приказал Шейх-уль-Ислам.

Через мгновение дервиш принес в комнату маленький круглый стол, на котором лежали бумага, перья и чернильница, и, поставив перед Гамидом, снова ушел.

— Пиши, брат мой, — сказал Шейх-уль-Ислам своему соседу: — «Всем хаджи, муллам, кади и кавасам повелевается схватить так называемую Золотую Маску, где бы она ни появилась. Тот, кто не исполнит этого приказа или станет противодействовать его исполнению, будет отвечать за это своим имуществом и жизнью».

Гамид-кади подал приказание для подписи великому муфтию, как многие звали Шейх-уль-Ислама. Затем поставил внизу свое собственное имя.

— Я надеюсь вместе с вами, — сказала принцесса, — что Золотая Маска будет теперь взята и тайна, окружающая ее, уничтожена. Но вот что мне еще надо! Я хочу получить какое-нибудь место для одного молодого человека из народа, так как я знаю, что вам нужны решительные и самоотверженные люди, а это именно такой человек.

— Твое желание, светлейшая принцесса, будет исполнено! Пришли сюда этого человека, он получит место, — отвечал Шейх-уль-Ислам. — Гамид-кади и я благодарим тебя за новое доказательство твоего доверия и расположения к нам! Смею ли тебя спросить, имела ли ты разговор с султаншей Валиде?

— Да, но он был совершенно безуспешен, надо надеяться, что следующий раз будет удачнее. Султанша Валиде разрушила все мои старания допытаться от нее, знает ли она, где находится принц Саладин, но я надеюсь узнать другим путем и гораздо скорее, жив ли принц, и если жив, то где он.

В эту минуту в комнату вбежал с выражением ужаса на лице дервиш-привратник.

Мансур с удивлением и досадой взглянул на помешавшего, но дервиш поспешно подошел к нему и прошептал на ухо несколько слов, которые произвели на Шейх-уль-Ислама сильное впечатление.

— Золотая Маска в развалинах?! — вскричал он поднимаясь. — Кто видел его?

— Сулейман, караульный. Он видел его как раз около этой башни.

— Это плод его фантазии! — вскричала принцесса, также поднимаясь.

— Махмуд-шейх также узнал его! — подтвердил бледный от страха дервиш.

— Здесь, в развалинах! Он осмелился проникнуть даже сюда — пусть его найдут сейчас же и приведут, чтобы закончить, наконец, эту комедию! — вскричал Шейх-уль-Ислам. — Сторожите все выходы! Он не уйдет от нас, если только для Махмуд-шейха Сулеймана не было это игрою воображения! Я сам буду искать его и возьму именем закона! Это известие крайне радует меня, и ты, принцесса, будешь свидетельницей так долго желаемого события. Золотой Маске не удастся безнаказанно осквернить своим присутствием это святое место.

— Желаю тебе успеха, — прошептала принцесса, оставаясь в комнате вдвоем с Гамидом-кади, — желаю тебе победы, мудрый Шейх-уль-Ислам! Я подожду здесь результата твоего предприятия.

IV

САДИ И ПРИНЦЕССА

Когда Сади проснулся на другой день после ночи, в которую он в первый раз встретился с красавицей Рецией, образ ее все еще был у него перед глазами. Он снова вспомнил все происшедшее накануне, и ему показалось, что порок и добродетель воплотились в лицах грека Лаццаро и красавицы Реции.

Бедняжка Реция была круглая сирота, одинокая в целом мире, не имела ни единой души, которая была бы к ней привязана.

— Но, — говорил себе Сади, — она должна была почувствовать, что я полюбил ее, что я готов ее защищать и всем пожертвовать для нее!

Как гордо и в то же время мягко просила она его, чтобы он оставил ее одну. «Иди, — говорила она, — ты спас меня из рук ужасного Лаццаро, dokonчи же теперь свое благородное дело и не следуй за мной!»

Сади не мог поступить иначе, как исполнить ее просьбу, и теперь не знал, где снова найти ее! А между тем он должен был найти ее во что бы то ни стало, и для того он будет искать ее день и ночь.

Вдруг Сади поспешно вскочил с постели.

Он вспомнил про ковер принцессы. Его надо было отнести во дворец и сделать это непременно в это же утро!

Сади поспешно оделся, вышел из маленького деревянного домика своего отца, в котором жил, и пошел в гавань.

Солнце только что начало подниматься из-за ясных вод Золотого Рога. По морю уже начали там и сям скользить легкие лодки, поддерживавшие сообщение между городом и лежащими по берегам деревнями. На самом берегу поднимались стены сераля, дворца султана, который своими киосками[4], павильонами и садами занимал более полумили по берегу. Вдали виднелись купола мечетей и шпили стройных минаретов, украшенных полумесяцами.

На берегу уже царило сильное оживление. Торговцы фруктами, цветами и овощами спешили с товаром на базар. Перевозчики мыли и чистили свои лодки. Саки[5] с ведрами на плечах несли воду в город, и даже изредка появлялись носилки, в которых сидели знатные турчанки. Беспреданно встречались армянские, еврейские и французские купцы, чтобы начать свои занятия.

Сади нашел свою лодку на прежнем месте и, вскочив в нее, взял весла и стал грести к каналу, который вел ко дворцу принцессы Рошаны.

Этот довольно широкий канал был так стар, что камни, которыми была отделана набережная, совсем заросли мохом. Вода в канале никогда не нагревалась солнцем, так как росшие по обе стороны канала деревья совершенно закрывали его.

Дворец, к которому вел этот канал и в котором жила теперь принцесса Рошана, служил прежде местом жительства для братьев султана, за которыми в этом дворце легко было наблюдать. В Турции на престол вступает не сын после отца, а старший принц из всех находящихся в живых потомков Османа, так что он может быть братом или племянником умершего султана. Поэтому султаны обыкновенно смотрели подозрительно на своих наследников, боясь их попыток вступить раньше положенного на престол.

Но с некоторого времени принцам был отведен другой дворец, с которым мы также познакомимся в свое время, а принцесса Рошана заняла дворец в Скутари.

Подъехав к пристани, у которой стояли лодки принцессы, Сади привязал свой каик и начал подниматься по ступеням лестницы, которая вела ко дворцу.

Навстречу ему попался лакей и сердито запретил идти дальше.

Сади хотел объяснить причину своего прихода, но подошедший к ним другой старый лакей не хотел ничего слышать и угрожал схватить его и, связав, передать караульному, если только он осмелится сделать еще хоть шаг.

Сади только улыбнулся в ответ на эти угрозы, так как одним движением руки мог бы расправиться со всеми старыми лакеями, но именно их старость не позволила ему употребить силу.

В это время одно неожиданное обстоятельство помогло Сади выйти из этого положения.

Вероятно, принцесса из окна увидела происходившую сцену, потому что вдруг появился солдат-араб, один из тех, которые обыкновенно день и ночь караулят в передней дворца, и приказал лакеям от имени принцессы сейчас же оставить в покое Сади.

Лакеи с удивлением расступились.

— Следуй за мной, каикджи! — обратился солдат к Сади и повел его через громадную переднюю дворца по мраморной лестнице.

Грека-лакея нигде не было видно, впрочем, Сади в эту минуту совершенно не думал о нем. Великолепие дворца целиком заняло все его внимание и пробудило мысль о том, как хорошо быть богатым и иметь возможность исполнять все свои желания.

Мраморная лестница была устлана дорогими персидскими коврами, а комната, в которую чернѣй солдат провел Сади, была вся обита зеленой шелковой материей. В золотой клетке сидел пестрый попугай.

Едва только дверь затворилась за арабом, как с противоположной стороны распахнулась портьера.

Окружавшая Сади роскошь хоть и восхищала его, но нисколько не смущала и не сделала неловким.

Вошедшая в комнату прислужница пригласила Сади следовать за собой. Она привела его в большую комнату, где на мягких шелковых подушках сидела принцесса Рошана, окруженная своими прислужницами, ожидавшими ее приказаний.

Принцесса, так же как и ее прислужница, была под покрывалом.

— Ты хорошо сделал, что пришел, Сади, — сказала принцесса, когда он опустился перед ней на колени. — Я твоя должница!

— Я не для того пришел, чтобы напомнить тебе об этом, принцесса, а только затем, чтобы положить к твоим ногам ковер, который ты вчера вечером оставила в моем каике, — отвечал Сади и положил на пол ковер.

Одна из прислужниц сейчас же унесла его прочь.

— Сколько тебе следует за вчерашнее путешествие? — спросила принцесса.

— Пять пиастров, такова такса!

— Пусть будет так! Эсма, — обратилась принцесса к одной из женщин, — выдай перевозчику требуемые им деньги! Это за перевоз, Сади, хорошо, но не за спасение моей жизни. За это я оставляю за

собой право вознаградить тебя по своему усмотрению! Я дорого ценю свою жизнь и поэтому так же высоко ценю и спасение ее! Скажи мне, чего ты желаешь, и как бы ни было велико желание, я исполню его! Говори, Сади!

— Ты очень добра, принцесса, но я ничего не желаю, что ты могла бы исполнить!

— Как, у тебя нет никакого желания? — с изумлением спросила принцесса. — Ты так счастлив и доволен, что на душе у тебя нет никакого неисполненного желания? Это большая редкость! Или, может быть, твои желания настолько велики, что ты считаешь их превышающими мою власть? Неужели тебе нравится быть всю жизнь перевозчиком? Неужели ты никогда не видал баши-бузуков, черкесов? Неужели твое сердце никогда не билось сильнее при звуках военной музыки? Неужели при виде проезжающего мимо тебя аги тебе никогда не приходила в голову мысль надеть такую же блестящую форму? Неужели ты никогда не мечтал о славных военных подвигах, о том, как ты мог бы прославить свое имя и сделаться героем?..

— Да, да, принцесса! — вскричал Сади с воодушевлением, и его красивые глаза ярко засверкали. — Ты возбуждаешь во мне мечты о славе!

— Ты не должен оставаться лодочником, Сади, — снова продолжала принцесса, увидя, что ее слова произвели сильное впечатление на красивого юношу. — Тебе суждено занять высокое положение в свете! В тебе кипит кровь героя! Замени весло дамасским клинком! Сбрось с себя красную куртку каикджи и надень военный мундир. Ты бесстрашно подвергал из-за меня опасности свою жизнь, посвети же ее служению твоему отечеству — и я предсказываю тебе блестящую будущность!

— Я уже давно хотел быть солдатом, но Али-бей, к которому я обращался, не принял меня, так как не было места.

— Я сделаю тебя агой, капитаном моих телохранителей, и обещаю тебе в будущем почести и богатство; когда ты будешь офицером сераля, то моя воля даст тебе и титулы, и отличия.

— Прости, принцесса! — вскричал Сади. — Но я не хочу быть тебе обязанным за мое отличие! То, что ты мне обещаешь, я хочу заслужить сам! Я хочу быть обязанным только своим собственным заслугам!

— Ты горд, Сади, но твое требование еще более убеждает меня в том, что тебе предстоит великая будущность! Ты отказываешься от моего покровительства — хорошо! Ты будешь обязан своим успехам только самому себе, но ты должен согласиться на то, чтобы я дала тебе сначала возможность проявить себя!

— Сделай меня солдатом, принцесса, и больше ничего!

— Завтра ты узнаешь мою волю, Сади. Иди домой и жди; но ты должен помнить о твоём подвиге, — сказала принцесса и, поднявшись с подушек, сняла с пальца кольцо с большим бриллиантом. — Возьми это кольцо в доказательство моей благодарности тебе. Пусть оно напоминает тебе о принцессе Рошане и о том, что это кольцо поможет тебе во всякое время пройти ко мне.

— Ты слишком щедро вознаграждаешь меня за ничтожную услугу, принцесса!

— Воспользуйся правом видеть меня, предоставляемым этим кольцом, — продолжала принцесса, — я желаю видеть тебя время от времени и слышать, чего ты достиг! А теперь можешь идти!

Сказав это, она протянула Сади свою прелестную руку, украшенную дорогими кольцами.

Сади опустился на колени и с жаром поцеловал руку принцессы.

Она благосклонно кивнула юноше и оставила со своими женщинами комнату, в которой Сади еще продолжал стоять на коленях.

Сади поднялся, у дверей его ожидала та же самая прислужница, которая провела его в комнату, она вывела его обратно в переднюю и опустила за ним тяжелую портьеру.

Когда Сади вышел на лестницу, то лицом к лицу столкнулся с греком Лаццаро, доверенным слугою принцессы. Казалось, что в эту минуту грек узнал в Сади того, кто ночью вырвал у него из рук его добычу, его жертву...

Грек устремил на Сади взгляд непримиримой ненависти, но Сади прошел мимо к выходу, погруженный в мечты и надежды на будущее.

V

ЧЕРНАЯ СИРРА[6]

Поздно вечером, в тот же самый день, когда незнакомец в золотой маске появился в развалинах у дервишей, в одном из домов Скутари у окна стояла бледная, печальная девушка.

Серебристый свет луны падал на мощный мраморными плитами двор и освещал девушку достаточно, чтобы мы могли узнать в ней красавицу Рецию.

Как недавно еще она была счастлива и беззаботна, а теперь! Отец Альманзор, по словам людей, умер, и Реция даже не могла помолиться на его могиле, так как не знала, где она! Реция была одна, оставлена всеми, потому что ее брат умер еще раньше, чем отец. Но, несмотря на горе, в этот вечер в сердце Реции мелькнула надежда. Аллах послал ей человека, благородное сердце которого она сразу поняла! Сади явился, чтобы спасти ее от преследований грека, и теперь образ красивого, благородного юноши всюду преследовал ее. Любовь проникла в сердце Реции, и глаза ее, казалось, искали возлюбленного, а губы шептали его имя! Увидит ли она его снова? Станет ли он искать ее? Любит ли он ее так же, как она его?

Ночь уже наступила, а молодая девушка все еще стояла у окна.

Дом, где стояла Реция у окна, был во дворе, а двор отделяла от улицы высокая каменная стена.

Улица, на которой находился дом, была так узка, что лунный свет только местами освещал ее.

Везде было пусто и тихо.

Вдруг в тени домов послышался какой-то шорох. Невозможно было разобрать, что это такое двигалось и добралось до дома покойного отца Реции. Здесь это нечто остановилось. Остановившееся походило на человека и на животное; однако это неопределенное существо было одето в женское платье, а голова укутана покрывалом.

Существо добралось до ворот дома и стало в щель смотреть во двор.

Там все было тихо. Странное создание немного времени разглядывало двор, а затем неслышно скользнуло к стене, и тогда можно было ясно увидеть, что у этого существа две необыкновенно длинные руки, которыми оно ухватилось за решетку, покрывавшую верхушку стены. С необыкновенной силой маленькое чудовище повисло на руках и затем в одно мгновение было уже на стене.

Никакая кошка не могла бы легче взобраться, чем это существо, похожее на черного гнома. Перелезши через стену, маленький гном поднял голову на окна дома.

Реция уже не стояла больше у окна.

Маленький черный гном постоял с минуту, глядя вокруг себя и с видимым удовольствием вдыхая чистый воздух сада, двора, на середине которого бил фонтан, обсаженный кругом благоухающими цветами.

Затем он поспешно прокрался к двери и тихонько постучал.

Он глядел в окна, точно зная, что в них должен кто-нибудь показаться.

Он постучался еще раз, громче, тогда в окне снова появилась прелестная головка Реции.

Лицо ее выражало испуг и озабоченность: кто мог бы стучаться к ней ночью?

— Реция! — раздался тихий голос. — Открой дверь, Реция, это я, Сирра!

— Ты? Ночью? — с удивлением спросила Реция. — Откуда ты, бедняжка? И как ты могла попасть во двор?

Стоящая во дворе показала на стену.

— Я перелезла через стену, — сказала она. — Я должна была видеть тебя, Реция! Сойди скорее вниз и открой дверь, мне надо передать тебе нечто важное.

Голос говорившей звучал нежно и приятно, хотя в нем в то же время слышалось выражение ужаса.

Реция сошла и открыла дверь. Она несла в руках маленькую лампу, свет которой, упав на лицо пришедшей, осветил страшно некрасивое лицо девушки.

Реция взяла пришедшую за руку и ввела ее в дом, после чего двери за ними затворились.

Сирра была ростом не выше четырех футов[7], спина ее была сильно сгорблена, и в то время, как остальные члены очень малы и неразвиты, руки были чересчур длинны. Голова, с которой Сирра, войдя, сняла покрывало, была также очень велика, а лицо, хотя девушке было всего четырнадцать лет, было так некрасиво, старо и загорело от солнца, что прозвище Черная Сирра, то есть «черный гном», вполне шло его обладательнице.

Она с боязливой нежностью глядела на Рецию, которая обращалась с ней очень ласково, так как знала, сколько несчастная страдает от других.

— Ты так поздно пришла сюда из Галаты? — спросила Реция, предлагая Сирре сесть рядом с собой на подушки, но Сирра опустила на ковер у ног красавицы, с восхищением любуясь ею.

— Я лучше сяду сюда и буду любоваться тобой.

— А знает ли мать Кадиджа, что ты ночью ушла сюда?

Сирра покачала головой.

— Нет, она этого не знает, — отвечала она, — впрочем, она нисколько не стала бы огорчаться, что я подвергаюсь опасности, потому что когда я бываю больна, то она радуется, думая, что освободится от меня. Но она не должна знать, что я пошла к тебе! Она уже спала и не слыхала, как я ушла. Я еще застала одного перевозчика, который согласился перевезти меня. Я должна была видеть тебя, чтобы предупредить и защитить от несчастья.

— Защитить меня? Бедное дитя! — сказала Реция, глядя черные волосы сидевшей у ее ног девушки. — Ты ради меня подвергала себя опасности! Что если мать Кадиджа проснется? Она все по-прежнему дурно обходится с тобой?

— Ах, да, — прошептала несчастная, слегка наклоняя голову, — она не может меня видеть, а ведь я не виновата, что так нехороша собой, не правда ли, Реция? Ведь ты же всегда добра ко мне, а мать Кадиджа постоянно зовет меня бранными именами. Если она зовет меня Сиррой, как другие, то только тогда, когда накурится опиума.

— Как ты думаешь снова возвратиться в Галату?

— Это я еще и сама не знаю, но не бойся, Сирра сумеет придумать, как это сделать. Если не найдется ничего лучше, то я сумею сама

переплыть на лодке без гребца, это совсем не трудно! Но выслушай меня! Ты подвергаешься большой опасности! Я не могла раньше прийти к тебе!

— Твои испуганные взгляды пугают меня!

Сирра всплеснула руками:

— Вчера вечером к нам в Галату приехал один знатный господин, — продолжала шепотом Сирра, — хотя я не знаю, кто именно, потому что он был закутан. Мать Кадиджа выгнала меня вон, чтобы он, как она говорила, не испугался бы при виде меня, я же тихонько спряталась в темном коридоре, рядом с комнатой, в которой мать Кадиджа принимала знатного незнакомца.

— Ты хотела подслушивать, Сирра, это нехорошо!

— Если бы я не подслушала, то не могла бы защитить тебя! Я предчувствовала несчастье! Мать Кадиджа ненавидит вас, и ее ненависть ненасытна!

— Я не думала, чтобы Кадиджа до сих пор не могла забыть, что...

— Она вас всех смертельно ненавидит, — перебила Рецию Сирра, — она хочет вашей гибели и не может никак насытить своей жажды мщения. Ты еще не знаешь Кадиджи — она ужасна. Но слушай дальше. Я приложила ухо к двери и стала слушать. Я отлично слышала все, что они говорили между собой. Знатный господин приехал для того, чтобы спросить объяснения появления змеи, которая попала ему на дороге. Мать Кадиджа, вероятно, узнала посетителя, так как сказала, что змея — это твой отец, Альманзор, и что змею надо уничтожить!

— Ты еще не знаешь, Сирра, какое я получила печальное известие, — с огорчением сказала Реция. — Мне сообщили, что мой отец не возвратится.

— Не возвратится? Что же такое случилось?

— Он умер!

— О, какое горе! Какое несчастье! — вскричала Сирра, обнимая колени Реции. — Твой отец, Альманзор, также умер. Но для матери Кадиджи этого мало, она не успокоится до тех пор, пока не уничтожит всех. Ты еще жива, она и тебя хочет погубить, Реция, и до тех пор не успокоится, поверь мне, пока не погубит и тебя! Беги, прошу тебя, — продолжала Сирра, с умоляющим видом протягивая руки. — Беги, а не

то мне придется тебя оплакивать. Я пришла затем, чтобы сказать тебе все это. Беги, а не то ты погибла!

В то время, как Сирра говорила эти слова, ее верхнее широкое платье распахнулось и обнажило сильные руки.

— Что у тебя такое на руках, — спросила Реция, так как все руки несчастной были покрыты багровыми рубцами, то же самое оказалось на шее и на плечах Сирры. — Что случилось с тобой, бедное дитя?

Сирра опустила глаза и не отвечала.

— Я знаю, в чем дело, и без твоего ответа, — продолжала Реция, — ты молчишь и терпишь, но эти шрамы говорят за тебя.

— Ах, ты так добра, так добра! — прошептала со слезами Сирра, стараясь скрыть слезы принужденным смехом, — я люблю тебя от всего сердца. Ничто не могло удержать меня, когда я узнала, что ты в опасности! В прошедшую ночь я не могла уйти, потому что Кадиджа не доверяет мне и заперла все двери, но я притворилась, будто ничего не слышала и не видела! О, как длинен показался мне сегодняшний день, Реция! Наконец наступила ночь! Мать Кадиджа снова заперла все двери, но одно окно осталось открытым, а ты знаешь, как хорошо умею я лазать и прыгать, когда хочу. Я выпрыгнула из окна...

— Спешите же скорей домой, чтобы Кадиджа не заметила твоего отсутствия! — сказала Реция, которая старательно намазала бальзамом раны Сирры.

— Я знаю еще кое-что, — прошептала Сирра, — я знаю еще одну тайну, но я умру, если выдам ее, ах, Реция, милая Реция, я знаю ужасную вещь! Но я скажу ее тебе, но только одной тебе, никому больше! А теперь беги со мной отсюда, беги, умоляю тебя, пока еще не поздно.

— Не беспокойся обо мне, Сирра! Благодарю тебя за новое доказательство твоей привязанности, но я теперь не боюсь за себя!

— Не полагайся на свою безопасность! Ты также будешь жертвой мести!

— Иди! Возвращайся домой и ложись тихонько в постель, чтобы Кадиджа не узнала о твоем отсутствии. Я же не боюсь за себя! Я встретила одного благородного юношу, который защитит меня и которому я доверяюсь с радостью.

— В таком случае я спокойна! — вскричала с радостью Сирра, поспешно поднимаясь. — В таком случае ненависть Кадиджи не

повредит тебе. Я предупредила тебя и теперь уйду! Не бойся за Сирру!
Мне никто ничего не сделает. Покойной ночи, Реция!

Молодая девушка выпустила Сирру из дома, и она скоро исчезла в
ночной темноте.

VI

ЛЕЙБ-ГВАРДЕЕЦ

Мы оставили дервишей в то самое время, когда все бросились искать Золотую Маску, появившуюся в развалинах.

Могущественный глава последователей пророка, Шейх-уль-Ислам Мансур-эфенди сам явился среди падавших перед ним ниц дервишей, чтобы убедиться, действительно ли Золотая Маска показывалась в развалинах. Дервиши в беспорядке кидались то туда, то сюда, ища таинственную личность, которую великий муфтий, могущественный Баба-Мансур назвал своим врагом.

Все поиски и преследования были напрасны. Золотой Маски нигде не было! Старый шейх бросался туда и сюда, всех расспрашивал — он сам видел фигуру Золотой Маски и отлично узнал ее. Караульный клялся, что он так же ясно видел таинственного незнакомца, но он исчез, точно вдруг сделался невидимкой.

Поиски продолжались до утра, и даже на следующий день видно было несколько дервишей, обыскивающих развалины, но, конечно, напрасно.

Поздно вечером на другой день к старым развалинам подъехал всадник. Когда он приблизился, то можно было увидеть, что он принадлежит к числу высших офицеров турецкой армии. Он был одет в темно-синий с серебряными шнурками сюртук и черные панталоны, на боку находилась сабля, за поясом — кинжал и пистолеты.

Подъехав к развалинам, он сошел с лошади и бросил поводья караулившему у входа старому дервишу, который приветствовал приехавшего в высокопарных выражениях.

Магомет-бей, угрюмый, с совершенно татарским лицом, не обратил никакого внимания на старика и прямо пошел в развалины.

Привратник низко поклонился начальнику капиджи[8] и ввел его в приемную. Вскоре дверь в комнату совета отворилась и бей вошел в

нее. Увидя сидящего на подушках Шейх-уль-Ислама, он бросился на колени. Мансур-эфенди был один в комнате совещаний.

— Ты приказал мне явиться, мудрый и великий Баба-Мансур, — начал пришедший. — И твой верный слуга Магомет-бей поспешил исполнить твое приказание.

— Мне надо передать тебе важное приказание, Магомет-бей, — сказал Мансур-эфенди таким тоном, каким господин говорит со своими слугами. — Ты знаешь, что 15-е Рамадана очень близко, день, когда султан в сопровождении меня торжественно отправляется в мечеть, где хранится плащ нашего пророка. Для тебя, которого я сделал начальником капиджи, этот день также большой праздник.

— Я всем обязан тебе, и мой полк тебе же обязан своим значением, мудрый Баба-Мансур! — ответил начальник стражи сераля. Приказывай твоему слуге Магомету-бею, я не колеблясь исполню все! Окажи мне милость, дав случай доказать тебе мою преданность! Я горю желанием укрепить твою власть!

— 15-го Рамадана ты будешь иметь случай снова доказать мне твою верность, Магомет-бей, — отвечал Шейх-уль-Ислам. — Рашид-паша, который будет в серале 15-го Рамадана, не должен выйти из дворца живым, он стал врагом Корана и сделался опасен и вреден для дела нашего святого пророка, поэтому смерть отступника решена!

— Твое приказание будет исполнено, могущественный и мудрый Баба-Мансур.

В эту минуту в комнату вошел молодой привратник и низко поклонился.

— Что тебе надо? — спросил Шейх-уль-Ислам.

— Пришел посланный от принцессы Рошаны, по имени Сади, который принес письмо и требует лично видеть Мансура-эфенди, — сказал дервиш.

— Принцесса очень рекомендовала мне этого юношу, — сказал Шейх-уль-Ислам, обращаясь к Магомет-бею, — я решил устроить его под твое начальство, во дворцовую гвардию, я очень рад, что он пришел именно теперь, когда ты здесь. Посмотри на нового лейб-гвардейца! — Затем, обращаясь к дервишу, он приказал ввести Сади.

Дервиш поклонился и вышел.

Сади вошел в комнату совета и увидел Магомет-бея, в котором по мундиру узнал офицера, лежащего у ног сидевшего на подушках

сановника.

В первую минуту Сади не знал, что ему надо делать, но затем подошел к пристально глядевшему на него Мансуру-эфенди, опустился на колени и подал ему письмо принцессы Рошаны.

Казалось, что красивый и стройный юноша понравился Шейх-уль-Исламу. Он взял письмо, распечатал и стал читать.

— Тебя очень хорошо рекомендуют в этом письме, Сади, — сказал он. — Говорят, что ты благоразумен, решителен и верен, а это величайшие достоинства мужчины. Ты желаешь служить под знаменем великого пророка? Я исполню твое желание, ты поступишь в полк, который хранит не только священную мечеть в султанском дворце, но также и внутренние покои султана.

— Ты хочешь сделать меня лейб-гвардейцем, мудрый Мансур-эфенди! — вскричал Сади.

— В императорскую гвардию назначаются только за особые отличия, потому что принадлежать к числу капиджи — большая честь, и я надеюсь, что ты отплатишь усердием и преданностью за оказываемое тебе доверие! Я требую от тебя слепого повиновения и предупреждаю заранее, что всякое нарушение его будет строго наказано.

— Благодарю тебя, великий и милостивый Мансур-эфенди! — вскричал с восторгом Сади. — Ты делаешь меня лейб-гвардейцем — положись на меня, я вечно буду благодарен тебе за эту милость.

— Магомет-бей, — обратился Шейх-уль-Ислам к офицеру, разглядывавшему Сади, — возьми этого юношу в ряды твоих храбрецов и давай ему с завтрашнего дня такое же жалованье, какое получают и все остальные. Пока он может сохранить свое имя, если же он отличится, тогда от меня будет зависеть достойным образом изменить его имя. Я не сомневаюсь, что из него выйдет хороший солдат, который употребит все усилия, чтобы отличиться!

— Завтра утром ты получишь платье, — сказал начальник капиджи, обращаясь к Сади. — Вместе с тобой поступил ко мне сын одного знатного черкеса — Гассан.

— Завтра утром! Я горю желанием начать службу! — вскричал с одушевлением Сади. — Дай мне отличиться, и ты увидишь, что я не дорожу жизнью!

— Иди и обратись завтра к Зора-бею, — приказал Магомет-бей. — Случай, о котором ты говоришь, не заставит себя ждать.

Сади поклонился Баба-Мансуру и начальнику капиджи, затем встал и оставил комнату, полный блестящих надежд.

Когда Сади вышел, Шейх-уль-Ислам снова обратился к Магомет-бею.

— Ты видел твоего нового солдата, что ты о нем думаешь? — спросил он.

— Мне кажется, что он будет усердным слугой пророка! — отвечал Магомет-бей.

— Обещай произвести его в баши и вели ему и еще двум другим гвардейцам убить Рашида-пашу, когда он 15-го Рамадана будет уезжать из дворца, — приказал Мансур-эфенди, — да смотри, чтобы приказание было исполнено без рассуждений, иначе сейчас же покончи с ним, потому что тебе необходимы такие люди, которые бы слепо повиновались!

— Ты знаешь, мудрый Баба-Мансур, что я совершенно так воспитываю своих солдат, — отвечал начальник телохранителей.

— Ты знаешь теперь мою волю, исполни же ее в точности и молчи! Не забудь также назначить верных людей в телохранители ко дворцу султанши Валиде, — заключил Шейх-уль-Ислам. — А теперь иди, и да хранит тебя пророк!

VII

ПРАЗДНЕСТВО ПРИ ТУРЕЦКОМ ДВОРЕ

Наступило 15-е Рамадана, большой праздник у мусульман. Султан уже приготавлился к парадному шествию в мечеть сераля, в которой хранились пять мусульманских святынь.

В полдень султан Абдул-Азис ожидал своих высших сановников и советников, которые в парадных мундирах должны были сопровождать его.

Опоясанный мечом Османа, составляющим украшение и необходимую принадлежность турецкого трона, султан сидел на подушках в обширной зале, где он обыкновенно принимал визирей и совещался с ними.

Окна этой залы были плотно завешаны для защиты от жгучих лучей солнца. Вокруг стояло множество маленьких и больших столов, но вообще обстановка нисколько не походила на ту, что мы привыкли видеть в наших дворцах.

Портьеры были подняты, так что видна была целая анфилада комнат и зал, в которых ходили камергеры, адъютанты и прислуга.

Султан Абдул-Азис, человек сорока лет и цветущего здоровья, одевался обыкновенно по-европейски, так же как и его визири — в черный, наглухо застегнутый сюртук, черные панталоны и красную феску; на шее висела звезда. Но в описываемый нами день султан был одет в турецкий костюм — в чалме, расшитой драгоценными камнями, и украшен всеми орденами. Рядом с ним стоял визирь Рашид-паша, за короткое время достигший больших почестей. Он был точно так же одет в чалму и широкие шаровары, подпоясанные драгоценным поясом.

Рашид-паша был красивый и еще довольно молодой человек с живыми глазами и бледным лицом. Он почти не оставлял султана и, казалось, имел на него большое влияние. Он старался бороться против

старых предрассудков, но, чтобы достичь своей цели, он часто шел окольными путями, не останавливаясь ни перед чем, чтобы уничтожить тех, кто становился ему поперек дороги.

Таким образом, между министрами султана образовались две партии, которые при всяком удобном случае старались вредить одна другой, в особенности же сильна была эта вражда между двумя визирями: Рашидом-пашой и Мустафой-пашой.

— Ты говорил, что это всем известная тайна, — обратился султан к Рашиду-паше, — что Мустафа-паша находится в близких отношениях с принцами и принцессами, но преследуют ли эти отношения какую-нибудь серьезную цель?

— Я не знаю этого, ваше величество, — уклончиво отвечал Рашид-паша.

— Когда мои министры начинают особенно заниматься моими родственниками, то это всегда имеет какую-нибудь особенную цель, которая должна возбуждать недоверие, — мрачно заметил султан.

— Ваше величество, с вашей обычной мудростью проникните в их планы, если такие действительно существуют, — продолжал Рашид-паша. В это же самое время в комнате появилась высокая фигура Мустафа-паши, который остановился на несколько мгновений, пристально глядя на стоявшего около султана Рашида, но не будучи замечен последним. — Мустафа-паша, без сомнения, глубоко предан престолу вашего величества, но ваше величество имеет в Рашиде-паше тоже верного и неустанного слугу и стража вашего спокойствия.

Казалось, что султану уже сильно надоели постоянные распри и подозрения среди его приближенных, по крайней мере, это можно было заключить по его недовольной мине.

Между тем Мустафа-паша услышал свое имя, и в его глазах сверкнула непримиримая ненависть, когда он взглянул на Рашида.

— Твоя судьба уже решена, — прошептал он, подходя между тем к султану с низким поклоном.

— Я пришел донести вашему величеству, что все уже подготовлено к церемонии, и все сановники собрались в тронной зале! — доложил Мустафа.

Султан поднялся с подушек. По его утомленному лицу видно было, что предстоящее празднество тяготит его.

Сопровождаемый обоими министрами и целой толпой камергеров и адъютантов в праздничной форме султан прошел через целую анфиладу комнат до тронной залы, которая вся была украшена золотом и отделана в мавританском стиле.

Здесь султана в сопровождении большой свиты ожидал Шейх-уль-Ислам и остальные визири и другие сановники, вместе с великим визирем, внешне маленьким и незначительным, но, в сущности энергичным и умным Али-пашой, чтобы сопровождать своего повелителя в мечеть.

Все были одеты по-турецки в соответствующие чину и званию костюмы.

Это было многочисленное и блестящее общество, которое собралось в тронной зале. Везде сверкали драгоценные камни. Роскошные турецкие костюмы как бы напоминали о прежнем могуществе Полумесяца.

Когда султан вошел в залу, Шейх-уль-Ислам подошел к нему и донес, что священная мечеть, где хранится плащ пророка, ожидает его. Все шествие тронулось в путь.

Мансур-эфенди, окруженный своими муллами и кади, открывал шествие.

За ним шел султан, над которым верные слуги несли балдахин.

Следом за султаном шли его адъютанты и Магомет-бей, начальник телохранителей султана.

Затем следовали генералы в блестящих мундирах, принадлежавшие к свите султана.

Великий визирь шел окруженный всеми министрами и верховными советниками, а за ними тянулся длинный хвост дворцовых: имамов и различных придворных чинов.

Мечеть сераля не пользовалась расположением султана, и он бывал тут только в торжественные дни. Любимым же его местопребыванием, как мы увидим впоследствии, был стоящий на берегу Босфора увеселительный дворец Беглербег.

При входе в священную мечеть стояли на карауле двое солдат султанской гвардии, двое капиджи-баши: Сади и вместе с ним поступивший товарищ, Гассан.

Когда шествие приблизилось, они подняли сабли. Шейх-уль-Ислам открыл двери священной мечети, и султан вместе со свитой вошел в

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ